

Он звал ее Изадора — в рязанской транскрипции. Кем была она? Фаворитка двух континентов, колдовская стихия, замки, состояния, корзины роз с визитками королей, президентов, магнатов и наркома внутренних дел у божественных ножек без пант. Кем был он? Перелицованные революцией лимита, со славой, с щитом из счетов в столбик, казенных и собственоручных, за по-котлы по кабакам зеркала. Лесной ручей, скрещенный с городской канализацией и ею проглоченный...

Чем прельстил? Не стихами — она по-русски плохо знала. Не молодостью — у гримерных примадонн такого масштаба ошиваются стаи мальков, всегда готовых к услугам. А может, одной обаятельной улыбкой шалопая на ангельском лице?

...Чем прельстила? А ей и не потребовалось прельщать.

Чары Айседоры Дункан сыграли роковую роль в жизни Российской империи и смерти Есенина

ОТ БЮСТА

Анатолий Мариенгоф, тогда закадычный есенинский товарищ, в «Романе без вранья» с удивлением вспоминал: «...Эрмитаж. На скамьях — сццевая веселая толпа. Из гнусового равнодушного рояля человека с усталыми темными веками выколачивает «Лебединое озеро». К нам подошел Жорж Якулов:

— А хотите с Изадорой Дункан познакомлю?

Есенин даже привскочил со скамьи:

— Где она?.. где?

И понеслись от Зеркального зала к Зимнему, от Зимнего в Летний, от Летнего к оперетте, от оперетты обратно в парк шарить глазами по скамьям.

<...>

Изадоры Дункан не было. Есенин мрачнел и додавдал.

Теперь чудится что-то роковое в той необъяснимой и огромной жажде встречи с женщиной, которую он никогда не видел в лицо».

Правильно чудилось. А вот насчет лица ошибочка вышла. Лицо-то как раз было виденное, да так, что ни стереть, ни заспать.

Тем приснопамятным полуднем четырнадцатого года кухарка Блока втолкнула в хозяйственный кабинет распаренного волнением посетителя. Она добыла его на черной лестнице, где он топтался в нерешительности. Кто такой? Чего надо? Не вор ли, не погорелец ли? Нет, не вор и не погорелец, а, прощения просим, пинг. Нарочно приехал в Петербург свидеться с барином на сочинительской почве.

Блок не жаловал молодых авторов. Они его утомляли. Пыжатся, умничают, шумят, ниспровержают и —

что самое ужасное — неумолимо читают свои стихи! Вот и этот самородок сейчас вынет из-за пазухи пудовый пальтир — и целый день, пиши, наスマрку. А кухарке и не попенять. Диво ли, что разжалобил — пшеничные кудри, васильковые очи (синева не та, густая, сумеречная, от которой когда-то екало сердце, а ситечка, сарафанная). Ни дать ни взять живой лубок, крестьянский купидон. Купидон-то он купидон, а прищур Емелькин — и костишки у пальцев стесаны, Соловей тире разбойник. И попробуй не прими! Заложит старообрядческое двуперстие в рот, и от посвисту того молодецкого парусами выгнутся рамы, зазмеяются по стенам трещины, завертит по комнате, как пух из уст Элла, гипсовую голову, чтобы притечать к виску ледяным прощальным поцелуем...

Блок невольно оглянулся. Голова никуда пока не собиралась. И, оправдывая

армии спустил интенданскую казну на бриллианты для весьма зрелой сильфи. В результате чего голодное и разутное войско расхотело сразиться с Германией, а развернулось на сто восемьдесят градусов и свергло родное самодержавие. Вероятно, в память об этой исторической услуге балет пользовался у большевиков особыми привилегиями и почетом.

Есенин злился.

Зачем умер Блок? Не мог задержаться еще хоть на пару месяцев. Он бы понял, оценил, а то и позавидовал. А этой собачей своре — как объяснить? Не оформлять же всех спальных канделябрами! В рукаве — единственный козырь. Его и выхватывал:

— Изадора, танцу!

Чтобы поперхнулись, иронды, ухмылками. Чтобы онемели, забыли о крашеных волосах, лишнем весе, бабьем лете плясуньи, готовые отсечь и

русь. И Айседора, та, которая швыряла любовникам («Освободите меня, сэр, и от ваших подарков, и от вашего присутствия») дарственные на дворцы за одну неловкую фразу и неучтивый взгляд, терпела, плакала, прощала, кидалась вслед, откапывала в камок-нибудь «Стойле Пегаса» и, успокоенная (жив!), наблюдала, как кочует от компании ее потерянный ангел с собственным морено-го дубом бюстом под мышкой, торжественно представляя:

— Сергей Есенин. Знаменитый поэт. Работа скульптора Коненкова. Оригинал. — И, ткнув себя в грудь, добавлял: — А это, выходит, копия.

Потом завертывала обоих, неотличимо деревянных, в шаль и возвращала одного — на шкаф, другого — в свои объятия...

О свистанная любовь спасается бегством. Его можно замаскировать под свадебное путеше-

ство расплющенными тенями и взял курс на Запад миниатюрный шестиместный самолет.

— Прощайте, друзья! Я отправляюсь к славе.

Но триумфа не случилось. Оказалось, что мир не скучал без песен из южной России. Его бирюзовую душу не разбередил шелест дикорастущих берез, а исповеди хулиганов он предпочитал иметь в прозаической форме полицейского протокола. Агенты издательств не осаждали с контрактами наготове гостиничный номер, переводчики не обкладывались словарями.

Проститутки — и те требовали за слушание стихов дополнительную плату по тарифу «особые услуги». Газеты находили лишним сообщать публике даже имя «молодого русского мужа знаменитой Дункан». Молодой русский муж, тень великой босоножки — и ничто больше.

Есенин был в бешенстве. Ну и куда теперь? На земле — некуда. По возвращении в Россию они рассстались.

Через несколько месяцев после разрыва на открытии сезона Илья Шнейдер, секретарь и переводчик Айседоры, обнаружил среди роскошных корзин с розами глиняный горшок с единственным цветком и приколотой к стеблю запиской «от С.Е.». А за первой кулисой и самого С. Е. На сцене близился финал. Танцовщица запрокинула голову так, что зрителям она стала не видна, склонила за спиной руки — и Ника Самофракийская, обезглавленная и безрукая, предстала залу в своем мраморном полете.

«Пошел занавес. И взвился вновь. И опять опустился. Зал грохочет. По радостному лицу Айседоры текут слезы. И вдруг она увидела Есенина.

— О-о-о! Дарлинг! — услыхал я.

Ее обнаженные руки обвили его голову, а он целовал эти руки...

На Пречистенку отправились большой компанией. Есенин был возбужден, радостен...

Но вот его взгляд упал на стеклянную горку. На ней стоял его бюст. Есенин пододвинул к горке стул, забрался на него и потянул бюст к себе. Наконец, сдернув его с горки, спустился на пол. Все молчали. Есенин оглядел нас тяжелыми потемневшими глазами. Так темнеет море перед бурей. Через несколько минут хлынула дверь. Есенин исчез, зажав под мышкой чудесное творение Коненкова».

презентовать ей любую лаковую часть любого постороннего тела. Так и было, пока длился танец. Но не могла же она протанцевать без антракта всю их совместную жизнь. Чары рассеивались. Туз оборачивался дородной дамой, распаренной прыжками и вином. Карта была снова и снова бита.

Есенин страдал.

Ясное дело, что не на диване, лицом в сырую подушку, с нетронутой пищей и спущенным флагом. Кутежи, куражи, лихачи, каталажки; я вам не кенаря, я поэт, мордобой (верная примета роковой среднерусской любви); дорогая, я плачу, прости, прости. В общем, известная родная ка-

стие или, например, двойное гастрольное турне. Танцовщицы Айседоры Дункан и поэта Сергея Есенина. Нет, наоборот. Поэта Сергея Есенина и танцовщицы Айседоры Дункан. Да и на самом деле пора, мой друг, давно пора. Мир заждался. Роется в книжных развалих, листает, морщится — не то, все не то... Не то, от чего бы душу, как зуб от студеной воды, заломило. От чего бы часы позабыли тикать. Ну где же, где же вы, золотые уста?..

— А вот они, мистер Мир, уже шлют тебе воздушные поцелуи!

...3 мая 1922 года с Ходынского поля взлетел над

Когда-то в самом начале он провожал ее на неделю в Питер. Расстаться на вокзале не смогли и уехали вместе. В «Англете» портвье вручил им ключ от пятнадцатого номера. В нем Есенин и повесится. А через два года застрянет в колесе автомобиля — по роковой ли воле ветра? — и затягивается на ее горле тугой петлей шарф. Случайное совпадение? Последняя ревнивая рифма?

Браки рушатся на земле, но совершаются — на небесах.

● **Лилия ГУЩИНА**